

Что значит имя христианин.

Армонию, о том, что значит имя и название «христианин».

Как поступают в отношении к правительству обязанные платить ежедневно подати, если не внесут деньги за многие дни, так поступлю и я по отношению к твоей святости. Они, как скоро представится кому удобный случай, выплачивают, что были должны по частям, вдруг, соединив долг в одну сумму; и я, будучи должен посылать тебе письма непрерывно (потому что у христиан обещание есть долг), невольное опущение переписки за прошедшее время хочу восполнить теперь, распространив меру послания настолько, что если бы разделить его на письма обыкновенной меры, оно могло считаться вместо многих. Но чтобы длиннота письма не была пустым препровождением времени, думаю, что хорошо будет в этой письменной речи подражать личному нашему собеседованию. Конечно, помнишь, что предметом всегдашних наших взаимных бесед были заботы о добродетели и упражнения в богопочтении, причём ты, настойчиво, всегда предлагал вопросы касательно того, о чём шла речь, и ничего из сказанного не принимал без исследования; а я, как старший возрастом, каждый возникающий по ходу речи вопрос разрешал. Если бы возможно было и теперь быть сему так, чтобы твоё разумение давало направление слову, то это было бы всего лучше; ибо для обоих нас была бы двойная польза, как от взаимного лицезрения (что приятней сего для меня в жизни?), так и от того, что твоё благоразумие наподобие музыкальной палочки привело бы в движение нашу ветхую цитру. Поелику же обстоятельства жизни делают то, что мы разъединены по телу, хотя и соединены душами, то необходимо будет говорить и от твоего лица, как скоро по ходу речи возникнет у нас возражение против сказанного. Хорошо также будет предложить сперва какой-либо душеполезный предмет как цель письма, а затем уже заняться исследованием того, что предложено.

Итак, предметом ваших изысканий будет вопрос: что значит название «христианин»? Может быть, не бесполезно будет исследование о сем. Ибо, если бы мы в точности открыли, что значит это имя, то получили бы большое содействие к добродетельной жизни, стараясь посредством высокого образа жизни поистине и быть тем, чем именуемся. Ибо, если кто пожелает назваться врачом, или ритором, или геометром, тот не допустит, чтобы его невежеством обличалась лживость названия, если на деле не окажется тем, кем именуется; но желающий назваться тем либо таковым поистине постарается оправдать название знанием самого дела, чтобы наименование его не оказалось лжеименным. Таким же точно образом и мы, если, исследуя, найдем истинную цель названия «христианин», не решимся не быть тем, что возвещает о нас это имя, чтобы и к нам не мог быть применен известный у язычников рассказ об обезьяне. Говорят, что в городе Александрии один искусник выучил обезьяну с известною ловкостью принимать вид танцовщицы, надевал на неё личину танцовщицы и одежду, приличную сему занятию. Посетители театра хвалили обезьяну, плясавшую под такт музыки, и во всём, что ни делала и представляла скрывавшую свою природу. Когда же зрители были заняты

новостью зрелища, один находившийся там остроумец посредством шутки показал увлеченным зрелищем, что обезьяна есть не более, как обезьяна. Когда все восклицали и рукоплескали ловкости обезьяны, стройно плясавшей под такт пения и музыки, он, говорят, бросил на сцену те лакомства, которые привлекают жадность этих животных. Обезьяна, как скоро увидела разбросанный впереди сцены миндаль, ни на что не обращая внимания, забыв и пляску, и рукоплескания, и нарядную одежду, подбежала к нему и горстями начала собирать то, что находила; а чтобы личина не мешала рту, старалась сбросить её, разрывая своими когтями обманчиво принятый образ, так что вместо похвал и удивления внезапно возбудила между зрителями смех, когда из-за обрывков личины показалась её безобразная и смешная наружность. Итак, как обезьяне не достаточно было ложно принятого вида, чтобы сочли её за человека, как скоро жадность к лакомствам изобличила её природу, так и те, кои не истинно образовали своё естество верою, посредством лакомств, предлагаемых от диавола, легко изобличаются в том, что они нечто иное, отличное от того, за что выдают себя, ибо, вместо смокв и миндаля и тому подобного, тщеславие, честолюбие, любостяжание, страсть к удовольствиям и другие такого же рода злые припасы диавольские, будучи вместо лакомств предложены жадности людей, легко изобличают подобные обезьянам души, которые посредством подражания принимают на себя лицемерный вид христианства, а в пору страстей свергают с себя личину целомудрия, кротости или другой какой добродетели. Итак, необходимо рассудить о значении названия «христианство». Может быть, мы станем тем, чего требует это имя, дабы, имея вид христиан, по одному только исповеданию и покрову имени не оказаться чем-либо иным, а не тем, чем кажемся, пред «Видящим тайное» (Мф. 6:6).

Итак, во-первых, рассмотрим, какой смысл заключается в самом названии «христианство». Более мудрые, конечно, могут найти какой-либо более высокий и величественный смысл, соответствующий высоте сего имени; а что доступно нашему разумению о сем имени, таково. Имя Христос, если заменить оное более ясным и понятным речением, значит царь, так как священное Писание преимущественно употребляет это имя для обозначения царского достоинства. Но поелику, как говорит Писание, Божество неизреченно и непостижимо и превыше всякого уразумения мыслию, то движимые Святым Духом пророки и апостолы по необходимости руководят нас к уразумению нетленного Естества многими именами и понятиями. Каждое из боголепных понятий направляет нас к какой-либо мысли; так что власть над всем означается именем царства, а чистота и свобода от всякой страсти и всякого зла именуется именами добродетелей, из которых каждая разумеется в Совершенном и изрекается о Нём, так что одно и то же Божество есть и правда, и мудрость, и сила, и истина, благость и жизнь, и спасение, и нетление, и непрелагаемость, и неизменяемость; а всё, что ни разумеется высокого чрез обозначение таковыми именами, всё это и есть Христос и изрекается о Нём. Итак, если в имени Христос разумеется совокупность всего высокого (ибо в высочайшем из значений содержатся и прочие, так что каждое из них умопредставляется в понятии царства), то, выводя отсюда следствие, мы, может быть, уразумеем, что значит христианство. Ибо если именем,

превосходящим все имена, служащие для изъяснения нетленного естества, именуемъ также и мы, соединившиеся с Ним чрез веру в Него, то вполне необходимо, чтобы вследствие сего мы имели общность имён и относительно тех понятий, которые вместе с сим именем усматриваются в оном нетленном естестве. Ибо как по причастию ко Христу мы получили название «христиане», так вследствие сего самого необходимо, чтобы это имя влекло за собою общение нас со всеми высокими именами. И как в сети потянувший за крайнюю петлю посредством одной потянул бы и все соединённые одна с другою, так, поелику с именем Христос соединяются и прочие имена, изъясняющие оное неизреченное и многовидное блаженство, то необходимо, восприяв одно имя, вместе с одним привлечь и прочие.

Итак, если кто принимает на себя имя Христово, а того, что умопредставляется с сим именем, не являет в жизни, тот ложно носит сие имя; по представленному нами примеру, оно бездушная личина с чертами человеческого образа, наложенная на обезьяну. Ибо как Христос не может быть Христом, если Он не есть правда, и чистота, и истина, и отчуждение от всякого зла, так не может быть и христианином (то есть истинным христианином) тот, кто не обнаруживает в себе общения и с этими именами. Итак, если бы нужно было кому-либо истолковать смысл слова «христианство» посредством определения, то мы скажем так: христианство есть подражание Божескому естеству. И никто пусть не порицает этого определения как чрезмерного и превышающего смирение нашего естества; ибо определение это не выходит за пределы естества. Если кто размыслит о первом состоянии человека, тот из учения Писаний найдет, что определение не вышло из меры нашего естества. Ибо первое устройство человека было по подражанию подобию Божию (так Любоумудрствует о человеке Моисей, когда говорит, что **«сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его»** (Быт.1:27), а название «христианство» выражает возведение человека в древнее благополучие.

Если же древле человек был подобие Божие, то, может быть, мы сделали не бесцельное определение, сказав, что христианство есть подражание Божескому естеству. Значение названия, таким образом, велико. Теперь время рассмотреть, безопасно ли тому, кто носит это имя, жить не соответственно ему? То, о чём мы спрашиваем, будет яснее посредством примера. Предположим, что кто-нибудь объявляет себя искусным в живописи, и что от начальника ему дается приказание начертать для далеко живущих образ царя. Если теперь он, начертав на доске какой-либо неблаговидный и безобразный вид, это непристойное изображение назовёт образом царя, то не приведёт ли он в справедливое негодование начальство тем, что оное дурное изображение будет причиною оскорбительного мнения о красоте первообраза, между не знающими его. Ибо каким представляется вид на картине, таким по необходимости будет почитаем и первоначальный образ. Итак, если определение говорит, что христианство - подражание Богу, то не приявший еще слова таинства какою увидит у нас жизнь, проводимую, как он уверен, по подражанию Богу, таковым будет почитать и наше Божество. Так что, если он увидит примеры всего благого, то уверует, что Божество, нами чтимое, благо. Если же кто будет предан страстям, и зверообразен, и в своих нравах сообразно различным страстям будет отображать виды различных зверей (ибо

в извращениях нашего естества должно видеть именно отображения зверей), и затем станет именовать себя христианином, тот, поелику его имя обещает и возвещает подражание Богу, своею жизнью подаёт неверным повод порицать Божество, в которое мы веруем. Посему и Писание возвещает таковым страшнейшую угрозу, говоря: горе тем, ради кого **«имя Мое хулится во языцех»** (Ис.52:5). И мне кажется, что, к этой преимущественно мысли руководя нас, Господь сказал могущим слышать: **«будите... якоже Отец ваш Небесный совершен есть»** (Мф.5:48). Ибо, наименовав истинного Отца отцом верующих, хочет, чтобы и рождённые от Него имели подобие с совершаемым в Нём совершенством благ.

Скажешь мне: но как для человеческого смирения возможно простирать стремление к блаженству, усматриваемому в Боге, когда в сем самом повелении как будто выказывается неудобоисполнимость его? Ибо как возможно земному уподобиться Тому, Кто на небесах, когда самое различие по естеству показывает недостижимость подражания? Ибо как невозможно лицом достать до величия небес и содержащихся в них красот, так и земному человеку равно невозможно уподобиться небесному Богу. Но слово Писания о сем ясно: не приравнивать естество человеческое естеству Божескому повелевает оно, но Его благим действиям, сколько возможно, подражать в жизни. Итак, какого рода наши действия могут быть подобны действиям Божиим? Отчуждаться всякого зла, сколько возможно, делом, словом и помышлением стараясь быть чистыми от осквернения им. В этом состоит истинное подражание Божескому и свойственному небесному Богу совершенству.

Ибо не думаю, чтобы Евангелие в словах, которыми повелевает быть нам совершенными как небесный Отец, говорило о стихии неба, как об отдельном каком-то жилище Божества, потому что Божество равно находится во всём и одинаково пронизывает всё творение; нет ничего, что бы пребывало в бытии вне Сущего, но Божеское естество соприкасается каждому существу, всё содержа в себе всеобъемлющею силою, как и пророк поучает сему, говоря, что перенесусь ли мыслию на небо, наследую ли, нисходя мысленно, то, что под землёю, простру ли разумную силу души к пределам существующего, – во всем увижу всевластующую Твою десницу. Подлинное же изречение его таково: **«аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму крыле мои рано, и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя»** (Пс.138:8-10). Итак, из сих можно видеть, что не отделено для Бога, по преимуществу, небесное жилище. Но поелику горний удел признаётся чистым от зла (на это во многих местах загадочно указывает нам Писание), а в сей дольней, более вещественной жизни совершаются злые страсти, так как здесь, в земной жизни, извивается и ползает изобретатель зла – змий, о котором приточно говорит Писание, что он на персеях и чреве ходит и землёю питается всегда (Быт.3:14), а этот образ движения и вид пищи указывает нам на то, что земная именно и дольняя жизнь допускает в себя поползновения многообразного зла и делается пищею ползающего по ней зверя, то повелевающий подражать небесному Отцу повелевает быть чистыми от земных страстей, отдаление от которых совершается не посредством местного переходения, но одним движением воли. Итак, если отчуждение от

зла естественно совершается одним стремлением разумения, то евангельское слово не повелевает нам ничего затруднительного. Ибо с устремлением разумения не соединено даже и труда, но можно для нас без усилия, посредством желаний быть там, где бы ни пожелали. Так что желающему и на земле удобно вести небесный образ жизни, как скоро, по руководству Евангелия, будем мудрствовать небесное и слагать в тамошних сокровищницах богатство добродетели; ибо «не скрывайте..., - говорит, - сокровище на земли», но «скрывайте... сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкапывают ни крадут» (Мф.6:19-20). Сии слова показывают, что в горней жизни не обитает никакой тлетворной для блаженства силы. Ибо многообразно действующий своею разнообразною злобою на гибель сей жизни то наподобие моли проникает в разум, делая непригодною ту часть души, в которую внедрится; то, если в скорости не будет изгнан из одной части, посредством поедаящей и истребляющей силы переползая к близлежащим частям, как знак своего движения оставляет след повреждения везде, куда ни приблизится. Если же внутреннее непоколебимо, строит ковы посредством внешних обстоятельств; он или посредством удовольствия проламывает стену к сокровищнице сердца, или другою страстью опустошает хранилище души, гневом, или печалью, или иною подобною страстью скрадывая разум. Итак, поелику в горних сокровищницах, как говорит Господь, нет ни моли, ни тли, ни хищнической злобы, научающей тому, о чем мы упомянули, то туда должно переносить наше делание, где собранные сокровища, недоступные хищению и умалению, не только навсегда остаются, но и наподобие семян производят многообразное приращение. Ибо, конечно, необходимо, чтобы воздаяние было велико, соответственно естеству принявшего сокровище на хранение. И как мы, действуя сообразно своему естеству, приносим мало, потому что такова наша природа; так прилично, чтобы Тот, Кто во всём богат, за вверенное Ему малое воздал тем, что имеет по естеству. Итак, никто да не унывает, внося в Божественные сокровищницы по своим силам, как будто он получит по мере того, что он дал, но пусть пребывает в надежде исполнения обещания сказавшим, что Он малое заменит великим, воздав небесным за земное, вечным за временное; сии же блага такого рода, что их ни мыслию нельзя постичь, ни словом изъяснить; о них учит богодухновенное Писание: ниже око виде, ниже ухо слыша, ниже и «на сердце человеку не въздоша, яже уготова Бог любящим Его» (1Кор.2:9). Написав сие тебе, о честная глава, мы не только восполнили опущенные нами письма, но и предварили могущие быть после сего опущения. Ты же трудись о Господе по сердцу; по сердцу же да будет тебе всегда то, что и Господу благоугодно, и нам по сердцу.